

КАРЛ МАРКС И НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

(К 25-летней годовщине смерти Карла Маркса)

2/14 марта 1883 г. скончался Карл Маркс. В этот день пролетариат всего земного шара потерял своего гениального преданного вождя.

В настоящее время даже лютые враги пролетариата, противники научного социализма, вынуждены признать, что с духовным творчеством автора «Капитала» и практической деятельностью отца и руководителя Международного рабочего общества связаны крепкими узами величайшие события второй половины XIX в. и начала многообещающего XX в. Карл Маркс представляет собою редкое исключение даже в ряду великих людей, которыми природа не часто балует историю. Гениальный, глубокий мыслитель, он же практический деятель, страстный, неутомимый, самоотверженный боец на поле великой битвы истории человечества. Теория освещала ясным светом избранный им практический революционный путь, а плодотворная революционная практическая деятельность наполняла живым содержанием теорию, вливая в нее новые, свежие силы.

Подобно тому как в личной деятельности Маркса тесно сливались теория и практика, в созданном им диалектическом материализме слились в общий, объединяющий и всеобъемлющий синтез жизнь и наука, действительность и идеалы.

Интимнейший друг и гениальный соратник Карла Маркса Фридрих Энгельс сказал: «Мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля». Это несомненно так.

Классическая немецкая философия ставила и по-своему разрешала великие исторические задачи. Центром ее сокровеннейших стремлений были вопросы практической жизни в широком значении этого слова.

Под влиянием зрелого и наступающего общественного переворота во Франции гениальный мыслитель Кант задался целью создать всеобъемлющее философское учение, которое охватило и объединило бы теоретический разум с практическим разумом, науку с жизнью, идеалы с действительностью. Но отставшие экономические отношения Германии XVIII в., незрелость немецкой буржуазии, выразителем которой явился Кант, помешали мыслителю прийти к ясным, последовательным, революционным выводам, к которым пришли французские материалисты той эпохи. Каким глубокомыслием, критической тонкостью, сложностью логического построения ни отличалось бы грандиозное здание, сооруженное Кантом, оно по своему существу покоится на старом метафизическом фундаменте, а главная задача об отношении идеалов к действительности была разрешена философом в духе старой христианской религии. А потому практический окончательный результат, к которому пришел Кант, сводится в общем к следующим положениям. Между действительностью и идеалами или, выражаясь языком Канта, между сущим и должным лежит непреодолимая пропасть. Видимая, воспринимаемая нами чувственная природа, т. е. вся окружающая нас реальная жизнь проникнута эгоизмом, жестокой борьбой за существование и грубыми животными инстинктами. В этом темном царстве зла, беспощадного эгоизма, где господствует неумолимый закон необходимости,

нравственный долг, идея свободы и высшие идеалы не могут возникнуть. Наши высшие духовные стремления находятся в полном и непримиримом противоречии с окружающей реальной действительностью. С точки зрения Канта существуют поэтому два мира, ничем не связанные между собою. Один мир - это материальная природа, воспринимаемая нашими чувствами; другой - не воспринимаемый, а постигаемый только нашим разумом, сверхъестественный мир высших ценностей и идеалов. Человек-гражданин обоих миров. Как эгоистическое существо он является частью грешной природы, преследует свои собственные, личные цели; как носитель духовного идеального начала он примыкает к сверхъестественному миропорядку, откуда приносит на нашу мрачную землю нравственные законы, формы справедливости и вообще все свои духовные стремления. Отсюда следовало, что 'раз идеалы не вытекают из самой действительности, они не могут стать действительностью. Являясь исключительно субъективным продуктом человека, не будучи связаны ни с какими реальными общественными условиями, они служат лишь руководящей нитью для оценки исторических явлений. Человек оценивает действительность с точки зрения присущего ему идеала; он стремится проводить этот идеал в жизнь, но сама действительность остается по существу равнодушной к его стремлениям; она не дает ему никаких определенных гарантий (1). Нетрудно догадаться и легко понять, что в философии Канта положено начало так называемому «субъективному методу» в социологии.

Дуалистическое учение Канта встретило резкую, обширную и подчас весьма глубокую критику с разных сторон и с различных точек зрения. Но наиболее существенной и наиболее плодотворной является критика Гегеля и Фейербаха.

Насквозь проникнутая идеей развития диалектика Гегеля разрушила самую основу кантовского учения. С общей монистической точки зрения Гегеля не существует двух миров. Мир единый, нераздельный и находится в процессе непрерывного развития. Между сущим и должным нет никакой пропасти. Что разумно, то действительно, что действительно, то разумно, - гласит ответ Гегеля на поставленный Кантом вопрос об отношении сущего к должному. Исторические идеалы вытекают из самой действительности и потому становятся в свою очередь действительностью. Исторические цели, поскольку они на самом деле порождаются реальными историческими условиями и диктуются ими, находят здесь, на земле, свое полное осуществление. Мы видим таким образом, что для Гегеля идеалы являются необходимым, неотъемлемым продуктом исторического развития. Но, несмотря на положительное, научное решение вопроса, Гегель оставался метафизиком, идеалистом. Исходным положением его общей философской системы опять-таки служит сверхъестественная идея, существовавшая где-то, до действительного мира. Вывод, сделанный Гегелем с помощью исторической диалектики, гласящей, что общественное сознание есть плод развития, обусловленный реальным бытием, находился в резком, непримиримом противоречии к общей системе, исходившей из идеалистической точки зрения, согласно которой вначале существовало чистое понятие.

Против идеализма вообще и идеализма Гегеля в частности выступил ученик Гегеля Фейербах. Прошедший через систему своего учителя и усвоивший диалектический метод мышления, Фейербах с поразительным мастерством воспользовался диалектическим оружием, с помощью которого разрушил

идеалистические построения. Поистине замечательное, знаменитое произведение Фейербаха «Сущность христианства», направленное против христианско-религиозного догматизма, уничтожает вместе с тем и основу идеалистических учений. С истинно изумительным логическим искусством и глубокой философской пронизательностью Фейербах обнаруживает полную несостоятельность идеалистического способа мышления, показывая и доказывая, что не идея, не понятие предшествовало природе, а что природа предшествовала человеку и что человек есть творец идей и понятий. Положение древнего мыслителя, что не боги по своему подобию создали людей, а наоборот, люди по своему подобию создали богов, доказано и разработано Фейербахом до мельчайших подробностей. Блестящая и глубокая критика Фейербаха оставила однако чистое поле для оригинальной и плодотворной работы мысли Маркса. Фейербах обнаружил психологическую подкладку идеализма, он раскрыл субъективные, психологические причины, побудившие человека сотворить сверхъестественный мир и населить его созданиями своей собственной мысли и собственной фантазии. Но тут, в этом пункте, кончается философская работа Фейербаха. И там, где закончил Фейербах, там только начал Маркс.

Маркс всецело разделяет фейербаховскую критику идеализма; вместе с Фейербахом он считает единственно верной и единственно возможной исходной точкой в познании действительность материальной природы. С другой стороны, Маркс принимает идею исторического развития Гегеля. В учении Фейербаха правильно, критическим путем обоснован философский материализм, а в системе Гегеля всесторонне разработана идея диалектического развития. Но Карл Маркс преодолевает как Фейербаха, так и Гегеля. Он создает новый синтез, продиктованный всем ходом исторического развития и выступающим на историческую сцену революционного пролетариата. Этот синтез - *диалектический материализм*. Свою солидарность с общей материалистической основой философии Фейербаха Маркс выразил в «Святом семействе», а об отношении Маркса к диалектике Гегеля мы читаем в предисловии к «Капиталу» следующие строки: «В своей мистифицированной форме диалектика была модна в Германии, потому что она преображала и просветляла существующее. В своей рациональной форме она для буржуазии и ее глашатаев-доктринеров есть соблазн и безумие, потому что она объемлет не только положительное понимание существующего, но также и понимание его отрицания, его гибели, потому что она всякую осуществленную форму созерцает и в ее движении, а стало быть как нечто переходящее, потому что ей, диалектике, никто не может импонировать, потому что она по существу своему проникнута критическим революционным духом» (2). Принимая научную, революционную сторону гегелевской системы, диалектический метод, Маркс в то же время отбрасывает ее идеалистический исходный пункт. «Мой диалектический метод в своем основании не только отличается от гегелевского, но даже составляет прямую его противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под именем идеи превращает даже в нечто самостоятельное, является демиургом действительности, представляющей лишь внешнее его обнаружение. Для меня же идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное» (3). И далее: «Мистификация, которую испытывает диалектика в руках Гегеля, несколько не

устраняет того, что он впервые всесторонне и сознательно раскрыл общие формы ее движения. Она стоит у него вверх ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы начли рациональное зерно в мистической оболочке». И так Маркс, согласившись с гегелевской диалектикой, поставил ее на ноги. Это значит, что идеи, сознание, понятия, являющиеся для идеалиста Гегеля исходным, первичным положением, рассматриваются материалистом Марксом как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное.

Выше нами было замечено, что Фейербах пришел через критику Гегеля к такому же материалистическому выводу. Можно следовательно предположить, что не Маркс, а Фейербах преобразил философию Гегеля в диалектический материализм. Но подобное заключение было бы крайне ошибочным. Фейербах, пользуясь гегелевской диалектикой для критики идеализма, не обратил достаточного внимания на существенную для Маркса сторону в учении Гегеля - на принцип исторического развития. Эта главная отличительная черта в философии Гегеля недостаточно использована Фейербахом по той причине, что этот мыслитель оставался в деле объяснения истории идеалистом, и несравненно большим идеалистом, чем Гегель, в произведениях которого мы встречаем много мест, прямо сходных с материалистическим объяснением истории (4).

Как идеалист в области истории Фейербах остановился у психологии, вполне удовлетворяясь психологическим объяснением возникновения общественного сознания. Но Маркс идет дальше и ставит вопрос глубже.

С точки зрения Маркса объяснять общественное сознание общественной психологией - значит заниматься бессодержательным и бесплодным повторением одного и того же. И в самом деле, что такое религия, критике которой посвящена значительная часть работы Фейербаха, если не форма проявления человеческой психологии? Что такое эстетика, если не разновидность человеческой психологии? Что такое нравственность, право, философия, если не разновидности и формы проявления все той же общественной человеческой психологии? Очевидно все эти области, совокупность которых составляет общественное сознание, являются не чем иным, как той общественной психологией. Ясно следовательно, что объяснять общественное сознание общественной психологией - значит в сущности ничего не объяснять, значит топтаться на одном месте и не двигать дело объясненного сознания ни на шаг вперед.

Поэтому Маркс ставит совершенно новый и совершенно оригинальный вопрос, а именно: чем, какими условиями объясняется само общественное сознание? На этот глубокий и коренной вопрос мы находим ответ в знаменитом предисловии «К критике политической экономии». «Общий результат, - читаем мы там, - к которому я пришел и который, раз он был найден, служил мне руководящей нитью в дальнейших занятиях, можно кратко формулировать следующим образом. В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Не сознание людей определяет формы их бытия,

но, напротив, общественное бытие определяет формы их сознания». Эта формула, звучащая так просто и так ясно, является таким же гениальным открытием, как открытие Коперника. Точно так, как непосредственное восприятие подсказывало неподвижность земли, так точно человеку, одаренному сознанием, и всякое действие которого сопровождается той или иной степенью мышления, должно было казаться и кажется еще до сих пор, что деятельность, ее направления и полученный результат всецело зависят от сознания.

К сожалению мы не имеем ни малейшей возможности развить хотя бы в самом общем отвлеченном виде все члены и все содержание марксовой формулы. И потому остановимся на ее элементарной сущности, которая, кстати сказать, представляет наибольшую трудность для понимания.

В конечном счете Маркс сводит все общественное сознание к зависимости от производительных сил, а степень развития Производительных сил обуславливается орудиями производства.. Откроем теперь «Капитал» и посмотрим, как определяется Марксом процесс труда и роль орудий труда. «Труд, - читаем мы, - есть прежде всего процесс, происходящий между человеком и природой, - процесс, в котором человек посредством деятельности содействует обмену веществ между собою и природой, регулирует его. По отношению к данной природой материи он сам выступает как сила природы. Он приводит в движение присущие его организму естественные силы - руки, ноги, голову, для того чтобы присвоить себе материю в пригодной для него форме. Действуя в этом процессе на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает дремлющие в нем силы и делает себе подвластной работу этих сил». Итак с точки зрения материалистической философии Маркса человек - часть природы. Как сила природы он действует на другие силы природы, действующие в свою очередь на него. В этом процессе постоянного взаимодействия человек познает внешнюю природу, окружающие вещи, их бесконечные свойства, и здесь, стало быть, коренной источник роста и развития человеческого сознания.

Последуем дальше за Марксом и приведем еще следующие строки: «Орудие труда - предмет или совокупность предметов, которые рабочий ставит между собою и объектом труда и которые служат проводниками его воздействия на данные объекты труда. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тел, чтобы соответственно своей цели заставить их действовать на другие тела». «Само данное природой вещество становится органом деятельности человека, - органом, который он присоединяет к своим собственным органам, удлиняя таким образом вопреки библии свое тело». Мы видим таким образом, что по Марксу человек с помощью орудий труда увеличивал свои собственные органы и в зависимости от качественного и количественного роста и развития этих прибавочных органов разгадывал скрытые силы природы, ее законы, приобретал знание и этим самым - власть над окружающей его средой.

До тех пор пока дикарь философски, созерцательно, подобно метафизикам и мистикам, отдавался размышлениям о таинственности неба и земли (такого дикаря конечно не было на свете, но метафизики, идеалисты, исходящие из первичности сознания, должны его предположить), вопрошая об их скрытой, загадочной сущности, он походил на того безумца у Гейне, который ожидал ответа от звезд.

Но коль скоро он взял предмет, сделал его проводником между собою и другим

предметом, приспособив последний к своим непосредственным потребностям, он узнал естественные свойства вещей и положил основу естествознанию и даже философскому закону причинности.

Изобретение лука и стрелы (имевшее место на высшей ступени дикого состояния), благодаря которым дичь становится обычной пищей, а охота - нормальным занятием, порождает некоторое стремление к оседлости, к более или менее правильному добыванию средств к существованию, и этим самым кладется начало общественной жизни. А само изобретение лука и стрелы не было следствием чистого сознания, готовой идеи, заранее существовавшей в голове дикаря. Цель и план этих довольно сложных орудий, требовавших высокой степени умственной опытности и изощренности, слагались веками, постепенно, в зависимости от географической среды, от свойств и форм предметов, данных самой природой, под влиянием неизбежной борьбы за существование.

Утверждение идеалистов, будто в душе человека живет постоянная любознательность, стремление к обобщению, к исканию первой причины, или так называемая метафизическая потребность, покоится на том, что умственные плоды тысячелетней культуры ошибочно принимаются за основные, первичные предпосылки познания, а деятельность конкретная, реальная деятельность, борьба с внешней материальной природой посредством орудий труда, являющихся в свою очередь видоизмененной природой, служат настоящим, коренным источником развития человеческой психологии, познания и мышления.

Эта на вид ясная, простая и элементарная истина скрывалась в глубинах времен, и понадобился такой гений, как Маркс, чтобы раскрыть настоящее содержание исторического движения. И понятно - почему. Культурному человеку, даже самому ограниченному, несравненно легче подняться на вершины отвлеченного мышления и усвоить философскую систему, чем наоборот, спуститься вниз и понять примитивные формы инстинкта, т. е. микроскопическую степень сознания первобытного человека. Даже современные историки первобытной культуры, исследователи быта существующих дикарей, которые без всякого сомнения сделали чрезвычайно много для выяснения истории развития познания, - и они часто не умеют пользоваться своими собственными наблюдениями и богатым фактическим материалом в силу отсутствия общего, строго продуманного научного способа исследования. Идеалистические предрассудки, вкоренившаяся привычка рассматривать явления с точки зрения готовых, выработанных неподвижных форм мышлений мешает и этим исследователям проследить шаг за шагом медлительный ход развития сознания в его постоянной зависимости от материального бытия.

Вернемся теперь к формуле Маркса.

Положение Маркса, «что люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независимые отношения», вызвало и до сих пор вызывает упорные и без конца повторяемые возражения.

Критики и противники диалектического материализма истолковывают это положение в том смысле, что Маркс исключил из исторической деятельности человеческую волю и сознание. Трудно представить себе более нелепое возражение. Наоборот, можно сказать с безусловной уверенностью, что не было и нет такого философского мировоззрения, которое придавало бы такое огромное, широкое значение человеческой деятельности, как теория Маркса. Старый

материализм, с которым материализм диалектический имеет общую познавательную основу, не удовлетворял Маркса именно и, потому, что он отличался созерцательным характером, не понимал, роли и значения активной деятельности и диалектического развития как в природе, так в особенности, в истории. В формуле Маркса речь идет не об исторической роли сознания, а о том, что чему предшествует - сознание бытию или бытие сознанию; вопрос касается способа научного исследования и приемов практического сознательного воздействия на общественную среду. Теория Маркса говорит ученому, что точные, правильные выводы могут быть достигнуты только путем изучения конкретной действительности и истории ее развития. Она говорит практическому деятелю, что успешное, плодотворное воздействие на общественную среду возможно лишь при условии правильной и ясной оценки существующих общественных реальных сил и их взаимоотношений. Это все, но это бесконечно много.

Философскому учению Маркса ставится также в упрек, что оно нигде не изложено в полной, законченной форме и что сам основатель этого учения ограничился лишь краткой, схематической его формулировкой. Подобное требование опять-таки обнаруживает лишь полное непонимание сущности марксова воззрения. Предвидя такого рода упрек, Маркс, можно сказать, авансом отражает его, когда говорит: «...Общий результат, к которому я пришел и который, раз он был найден, служил мне руководящей нитью в дальнейших занятиях». Это значит, что философское учение Маркса излагается в «Коммунистическом манифесте», в «К критике политической экономии», в «Нищете философии», «Революции и контрреволюции», «Классовой борьбе во Франции», «18 брюмера», «Капитале», затем в произведениях сооснователя научного социализма, в «Анти-Дюринге», «Людвиге Фейербахе», в «Положение рабочего класса в Англии» и вообще во всех творениях Маркса и Энгельса.

Далее, исторический материализм воплощен в научных и блестящих трудах Плеханова, Меринга, Антонио Лабриола, Лафарга и кроме того в сочинениях всех марксистов, поскольку последние правильно применяли метод Маркса - Энгельса. Содержание диалектического материализма таково, что оно по существу не может быть изложено в полном, законченном виде. Это метафизические системы, считавшие возможным исчерпать раз навсегда картину мира, укладывались подчас в весьма необъемистые произведения, когда данный метафизик обладал достаточным искусством в деле отвлеченного мышления.

Иное дело диалектический материализм, который по существу отрицает возможность законченной философской системы. Книга, в которой исторический материализм представлен в полном виде - это вся история культуры во всем ее объеме, и Маркс, открыв основу исторического движения, объективную двигательную силу, указал способ, как следует читать эту великую книгу, для того чтобы постичь ее мудрое и сложное содержание. Сущность диалектического материализма заключается не столько в определении и развитии его формальных принципов, сколько в умелом применении этих принципов к явлениям реальной жизни. И в этом именно отношении сделано необычайно много Марксом и Энгельсом. Маркс и Энгельс не писали философских трудов в профессиональном, специфическом смысле этого слова, однако их произведения являются самыми совершенными произведениями настоящей, действительной философии, и это

потому, что в них живет истинное единство, тесная связь между материальным бытием и сознанием, фактами и общими законами, действительностью и идеалами, - иначе сказать, между теорией и практической деятельностью в обширном смысле этого слова. А о такой именно философии мечтали величайшие гении рода человеческого.

Сделано очень много в области марксизма и школой. Поверхностные, голословные и поистине шаблонные утверждения противников марксизма - а иногда и чувствительных друзей, - будто ученики Маркса не подвинули учение своего учителя вперед и не обогатили его новым, оригинальным содержанием, лишены всякого научного основания. Не говоря уже о крупных последователях Маркса, труды которых несомненно являются громадным вкладом в науку, даже самая незначительная социал-демократическая брошюра содержит в себе больше научного содержания, чем объяснения, которые даются подчас общественным явлениям выдающимися мыслителями, неизвестными с марксовской теорией. Куно Фишер полагал, например, что дипломатические переговоры официальных представителей государств способны повести за собою коренные перемены в ходе всемирной истории. Знаменитый психолог Вильям Джемс высказывает глубокое убеждение, что главной причиной великих событий эпохи возрождения и реформации является возрождение философии Платона. Разве же существует на белом свете марксист, который стал бы рассказывать такие наивные детские сказки? Конечно нет.

Благодаря правильному научному методу произведения марксистов, написанные даже на практические, злободневные темы, при внимательном и серьезном к ним отношении обнаруживают несравненно больше идейной оригинальности и подлинной новизны, нежели большие, выложенные, написанные современным стилем произведения, трактующие о смысле жизни, об абсолютной конечной цели бытия, о проблеме смерти и тому подобных вопросах, старых, как мир, и скучных, как пустыня, имеющих значение разве тем, что они временно отвлекают от серьезной живой и плодотворной работы мысли. А затем самым блестящим и самым убедительным свидетельством успехов учения Маркса служит сама действительность, которая, что бы там ни говорили наши противники и наши враги, совершает свое движение по Марксу. И это могучее доказательство бьет по голове даже принципиальных противников из буржуазного лагеря, которые вопреки своей буржуазной воле, подчиняются подчас методу диалектического материализма. Нелегко в настоящее время встретить произведение по этике, эстетике, истории религии, истории литературы и т. д., где бы автор не старался так или иначе выводить общественное сознание из общественного бытия. Но зато, с другой стороны, проникновение марксистской мысли в буржуазную ученую среду вызывает так называемые «кризисы» марксизма, которые стали повторяться чуть ли не с периодической правильностью.

Пресловутые кризисы марксизма происходят обыкновенно таким образом. Усвоит молодой (буржуазный) ученый некоторые отдельные, несвязные между собою положения из теории Маркса, соединит их со своими собственными буржуазными предубеждениями, и так как в результате этой операции получается неприглядная механическая смесь, то творец этой смеси приступает к «ревизии» и с военной поспешностью торжественно объявляет кризис в марксизме. Выходит,

что совершающийся в силу плохого усвоения марксизма кризис в голове буржуа выдается за крушение марксовой теории. Кризисы марксизма являются, таким образом, не признаком упадка учения Маркса, а наоборот, наглядным показателем того, что марксизм приобретает все большее и большее влияние и на ученые буржуазные сферы. И можно сказать наперед, что чем больше будет расти это влияние, тем чаще будут повторяться «кризисы» марксизма.

Вернемся в заключение к исходной точке нашей статьи.

Вкратце, поскольку позволяли узкие рамки этой статьи, мы старались обнаружить преемственную связь, которая существует между диалектическим материализмом и немецкой классической философией; нами было указано на то, что немецкая классическая философия преследовала, несмотря на свою метафизическую сущность, главным образом культурные практические цели; мы знаем, что Гегель в противовес Канту разрешил задачу об отношении сущего к должному, действительности к идеалам - историческим путем. Но Гегель, положивший в основу своего учения идею развития и оплодотворивший все области науки, сам оставался метафизиком, идеалистом, вследствие чего его философия истории в ее целом носит метафизический и религиозный характер. Дело в том, что согласно идеалистической точке зрения Гегеля сама действительность, прошедшая, настоящая и будущая действительность, есть не более как форма проявления абсолютной идеи, существовавшей за пределами реального мира и до всякой истории. По Гегелю история человечества есть поэтому внешнее обнаружение развивающегося абсолютного духа, а человек и человечество являются пешками в руках этой сверхъестественной : силы, командующей судьбами народов. Поэтому, несмотря на глубокое революционное значение всеразрушающей диалектики, система Гегеля, как всякая идеалистическая система, приводила к фатализму, т. е» не оставляла места для конкретной, самостоятельной, революционной, созидательной работы людей. Эту идеалистическую сторону учения Гегеля Маркс и называет мистической оболочкой.

Отбросив «мистическую оболочку», Маркс принял революционную диалектику, поставив систему своего учителя на ноги.

Первое положение Гегеля оказалось последним положением Маркса. «Идеальное, т. е. гегелевский абсолютный дух, есть с точки зрения материалиста Маркса не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное начало». Двигательным нервом истории служит не сверхъестественная сущность, а производительные силы, которые являются продуктом постоянного взаимодействия между человеческим обществом и природой.

Люди делают историю, - говорит Маркс в «18 Брюмере», - только произвольно, не из свободных кусков. На первоначальной ступени общественного развития деятельность человека определяется географической средой, а на дальнейших стадиях власть географической среды уменьшается по мере роста производительных сил, но зато пройденный исторический путь стоит по отношению к каждому новому поколению как готовая объективная сила, созданная не этим поколением. Но эта объективная сила ничего общего не имеет с фатализмом, с военной командой предполагаемых идеалистами

сверхъестественных сил. Созданная усилиями предшествовавших поколений историческая среда предоставляет широкий простор каждому новому поколению для дальнейшего творчества живых, лучших идеальных общественных форм. «На известной ступени своего развития, - гласит дальше гениальная формула Маркса, - материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, среди которых они до сих пор действуют. Из форм развития производительных сил эти отношения делаются их оковами. Тогда наступают эпохи социальных революций». «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развиваются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созревают материальные условия их существования в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее решения».

Таково конкретное разрешение великого вопроса об отношении сущего к должному, действительности к идеям. Новые исторические задачи, новые общественные идеалы вырастают на почве противоречия между развивающимися производительными силами и производственными отношениями. Рожденные в недрах самой действительности, новые идеалы носят в себе внутренние данные для их осуществления, ибо «сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее решения».

В период своей внутренней, духовной борьбы, страстного и терпеливого искания истины молодой девятнадцатилетний Маркс; писал своему отцу: «От своего идеализма, который, кстати сказать, питался сравнениями с идеализмом Канта и Фихте, я перешел к исканию идеи в самой действительности. Если боги прежде жили над землей, то они теперь стали ее центром».

Карл Маркс нашел то, чего искал, он открыл идею в самой действительности и этим самым переселил богов с неба на землю. Его дело может сравниться с легендарным деянием легендарного Прометея. И буржуазный Олимп натравлял на действительного Прометея XIX в. своих коршунов, усердно содействовавших сокращению драгоценной жизни. Но история в общем и целом справедлива и незлопамятна. Коршуны будут забыты, а Маркс будет жить в памяти людей до тех пор, пока будет существовать род человеческий.

1908 г.

-
1. По Канту, идеалы осуществляются за пределами действительного мира, проще - на том свете.
 2. «Капитал», стр. XV, русск. перев. под ред. П. Струве.
 3. Там же.
 4. См. статью Бельтова «К 60-летию годовщины смерти Гегеля», сб. «Критика наших критиков», СПб.